

Говард Филлипс Лавкрафт

Клиффорд Мартин Эдди-младший

Пепел

(Ashes)

– Привет, Брюс. Черт знает сколько не видел тебя. Заходи.

Я открыл ему дверь и проводил в комнату. Его худощавая, нескладная фигура неуклюже развалилась в кресле, куда я пригласил его сесть, и он принялся нервно тереть шляпу своими нервно трясущимися пальцами. В его глубоко ввалившихся глазах застыло испуганное, затравленное выражение, и он украдкой бросал взгляды по комнате, словно искал какое-то спрятавшееся существо, которое могло внезапно наброситься на него. Его лицо было осунувшимся и бесцветным; углы губ непроизвольно подрагивали.

– В чем дело, старина? Ты выглядишь так, будто видел привидение. Ну же?

Я сходил в буфет и налил из графина небольшой стакан вина.

– Выпей это!

Он осушил стакан одним быстрым глотком, после чего вновь вернулся к занятию со шляпой.

– Спасибо, Прэг – я не ощущал себя так хорошо с минувшей ночи.

– Однако у тебя и сейчас неважный вид. Что случилось?

Малкольм Брюс с трудом развернулся в кресле.

Я некоторое время молча рассматривал его, задаваясь вопросом, что же могло воздействовать на него столь сильно. Я знал Брюса как человека с крепкими нервами и железной волей. Повстречать его в таком расстроенном состоянии было, в самом деле, очень необычно. Я вынул сигары, и он машинально выбрал одну. Его беспокойство заметно уменьшилось. Наконец, он вновь стал уверенным в себе человеком, каковым я знал его прежде.

– Прэг, – начал он, – я только что пережил самое ужасное, дьявольское происшествие, которое когда-либо происходило с человеком. Даже не знаю, решусь ли поведать тебе о нем, ибо опасаясь, что ты сочтешь меня сумасшедшим – и я вовсе не обижусь на тебя! Но это правда, все до единого слова!

Он сделал драматическую паузу и выпустил в воздух несколько колец дыма.

Я улыбнулся. Немало странных историй, что мне доводилось слышать, переполнили мой письменный стол. Должно быть, в моем характере была какая-то причуда, которая вызывала интерес и доверие к подобного рода рассказам, что я узнавал от разных людей в течение многих лет. Однако, несмотря на мое пристрастие ко всему экстравагантному и пугающему и стремление исследовать далекие неизвестные пространства, я был обречен проживать прозаичную жизнь, полную лишь скучных, заурядных событий.

– Тебе приходилось слышать о профессоре Ван Аллистере? – спросил Брюс.

– Ты имеешь в виду Артура Ван Аллистера?

– Точно! Стало быть, ты знаешь его?

– Еще бы! Я знаком с ним много лет и продолжал встречаться даже после того, как он отказался от должности профессора химии в Колледже, дабы иметь больше времени для проведения собственных экспериментов. Кстати, я даже помог ему составить проект звуконепроницаемой лаборатории на верхнем этаже его дома. Но потом он так погрузился в свои жутковатые опыты, что более не находил времени для общения!

– Возможно, Прэг, ты помнишь, что когда мы вместе учились в Колледже, я добился некоторых успехов в занятиях по химии?

Я кивнул в подтверждение, и Брюс продолжил:

– Четыре месяца назад я потерял работу. Ван Аллистер предложил мне должность ассистента, и я согласился. Он помнил меня по Колледжу, и я сумел убедить его в том, что обладаю достаточными знаниями по химии, чтобы подойти ему.

Его секретарем служила молодая леди – мисс Мэрджори Парди. Она относилась к типу «аккуратных, ответственных работников», и была настолько же привлекательна, насколько исполнительна. Иногда она помогала Ван Аллистеру в лаборатории, и вскоре я обнаружил, что она испытывает неподдельный интерес к научной деятельности и даже выполняет некоторые опыты самостоятельно. В самом деле, она проводила почти все свободное время с нами в лаборатории.

Нет ничего удивительного в том, что спустя некоторое время это сотрудничество переросло в близкую дружбу, и вскоре я стал зависеть от ее помощи в трудных экспериментах, когда профессор бы занят. Мне даже никогда не нужно было просить ее. Эта девушка погрузалась в химию, как утка ныряет в воду!

Примерно через два месяца Ван Аллистер решил разделить лабораторию, выделив себе обособленное помещение. Он сказал нам, что планирует проведение ряда экспериментов, которые, в случае успеха, принесут ему вечную славу. При этом профессор наотрез отказался от нашей помощи в любых формах.

С этого момента мисс Парди и я оставались наедине все чаще и чаще. В свою очередь, целыми днями профессор пребывал в одиночестве в своем кабинете, иногда даже не выходя за пищей.

Это также означало, что у нас стало больше свободного времени, и наша дружба все

более крепла. Я чувствовал растущее влечение к старательной молодой женщине, которая, казалось, совершенно поглощена возней с бутылками, содержимое которых, как правило, отличалось неприятным видом и запахом. Она всегда одевалась в белое с головы до ног, вплоть до резиновых перчаток.

Позавчера Ван Аллистер пригласил нас в свой кабинет.

– Наконец-то я достиг успеха, – заявил он, держа перед нами небольшую склянку, содержащую бесцветную жидкость. – Вот здесь находится то, что является величайшим открытием в химии. Я собираюсь доказать его действенность прямо на ваших глазах. Брюс, подайте мне, пожалуйста, кролика.

Я сходил в другую комнату и принес ему одного из кроликов, которых мы держали вместе с морскими свинками для экспериментальных целей.

Профессор поместил зверька в маленькую стеклянную коробку, как раз по его размерам, и накрыл крышкой. Затем он вставил стеклянную воронку в отверстие наверху коробки, и мы подошли ближе, что лучше рассмотреть процесс эксперимента.

Потом профессор откупорил свою склянку и занес ее над этой импровизированной тюрьмой кролика.

– Теперь проверим, были ли недели моих усилий успешными, или пропали впустую!

Медленно, методично он перелил содержимое склянки в воронку, и мы увидели, как тонкая струйка потекла к напуганному животному.

Мисс Парди издала сдавленный крик, и я протер глаза, чтобы удостовериться в том, что они не обманывают меня. Поскольку в коробке, где мгновение назад находился живой, перепуганный кролик, теперь не было ничего, кроме кучки мягкого белого пепла!

Профессор Ван Аллистер повернулся к нам с выражением явного удовлетворения. На его лице виднелось какое-то дьявольское веселье, а его глаза светились жутким безумным блеском. Когда он заговорил, его голос звучал победно.

– Брюс, а также вы, мисс Парди, – вам была дана привилегия стать свидетелями первого успешного опыта применения средства, которое революционным образом изменит мир. Оно мгновенно преобразует в чистый пепел все, с чем контактирует, кроме стекла! Подумайте, что это означает. Армия, вооруженная стеклянными бомбами, заполненными моим веществом, может уничтожить весь мир! Дерево, металл, камень, кирпич – все будет стерто им с лица земли, не оставив после себя не больше, чем этот кролик – лишь горстку белого пепла!

Я взглянул на мисс Парди. Ее лицо стало белым, подобно надетому на ней фартуку.

В нашем присутствии Ван Аллистер убрал все, что осталось от несчастного кролика, в маленькую бутылку, которую он аккуратно пометил. Я содрогался от какого-то внутреннего холода, который ощущал до того момента, как профессор отпустил меня. Мы оставили его одного за плотно закрытой дверью кабинета.

Снаружи нервы мисс Парди, наконец, совершенно сдали. Она пошатнулась и неминуемо упала бы, если бы я не подхватил ее.

Прикосновение к ее мягкому, доверчиво прижавшемуся ко мне телу придало мне свежие силы. Я покрывал ее алые губы поцелуями до тех пор, пока она не открыла глаза, и я увидел, что в них отражается свет любви.

После блаженной вечности мы вновь вернулись на землю – и поняли, что лаборатория не является местом для таких пылких демонстраций. В любой момент Ван Аллистер мог покинуть свое убежище, и если он обнаружит наши чувства – при его нынешнем состоянии сознания – мы даже не осмеливались думать, что может случиться.

Остаток дня я был погружен в мечтания. Для меня было чудом, что я достиг того, к чему так стремился. Мое тело представляло собой просто автомат, хорошо обученную машину, занимавшуюся своими положенными делами, в то время как разум воспарил в какое-то далекое царство восхитительных дневных грез.

До конца рабочего дня Мэрджори выполняла секретарские обязанности, и не раз я кидал на нее взгляды, пока моя работа в лаборатории не была закончена.

Той ночью мы совершенно отдались нашему новообретенному счастью. Прэг, я буду помнить ту ночь всю жизнь! Самый счастливый момент настал, когда Мэрджори Парди обещала стать моей женой.

Вчерашний день опять ознаменовался ничем не омраченным блаженством. В течение его я с моей возлюбленной работал бок о бок. Затем последовала еще одна ночь любви. Если тебе не доводилось любить единственную девушку на свете, Прэг, ты не сможешь понять то неземное наслаждение, которое приходило с каждой мыслью о ней! И Мэрджори стократ возвращала мне мои чувства. Она отдавалась нашей любви без остатка.

Сегодня, около полудня, мне потребовалось приобрести кое-что для завершения одного эксперимента, и я уехал в аптеку.

Когда я вернулся, Мэрджори нигде не было. Я поискал ее шляпу и плащ, но они также исчезли. Профессор тоже не показывался с тех пор, как был проведен опыт с кроликом, а его кабинет был заперт.

Я опросил слуг, но никто из них не видел, как она покидала дом или оставила для меня записку.

Постепенно я стал испытывать все большую тревогу. Наступил вечер, и по-прежнему от моей милой девушки не было никакого знака.

Все мысли о работе были отброшены. Я шагал по полу своей комнаты, словно запертый в клетку лев. Каждый звонок по телефону или в дверь возрождал угасавшую надежду услышать хоть слово от нее, но каждый раз меня ждало разочарование. Минуты казались часами; часы превращались в вечность!

Боже правый, Прэг! Ты не можешь представить, как я страдал! С высоты моей

прекрасной любви я мысленно рухнул в темную бездну отчаяния. Я воображал всевозможные ужасы, случившиеся с ней. И по-прежнему я не слышал никаких вестей.

Мне показалось, я уже прожил всю жизнь, но часы показывали, что было только пол-восьмого, когда дворецкий сказал мне, что Ван Аллистер приглашает меня в лабораторию. У меня не было никакого настроения заниматься экспериментами, но, ввиду того, что я жил под его крышей, и он был моим хозяином, мне пришлось подчиниться.

Профессор находился в своем кабинете, дверь которого была слегка приоткрыта. Он велел мне закрыть ее и пройти к нему в маленькую комнату.

В том состоянии, что я находился, мое сознание фиксировало все мельчайшие детали обстановки, которые попадались мне на глаза. В центре комнаты на столе с мраморным верхом стоял стеклянный ящик, по форме и размерам похожий на гроб. Он был заполнен почти до краев той же самой бесцветной жидкостью, что находилась в маленькой бутылки два дня назад.

Слева, на табурете, стоял стеклянный сосуд, на котором имелась свежая пометка. Я не смог сдержать произвольную дрожь, когда понял, что в нем находится уже знакомый мягкий белый пепел. Затем я увидел нечто, заставившее почти остановиться мое сердце!

На стуле в дальнем углу кабинета лежали шляпа и плащ девушки, обещавшей связать свою жизнь с моей – девушки, о которой я поклялся заботиться до конца дней своих!

Мои чувства оцепенели, а душа была поражена ужасом, когда меня охватило осознание того, что произошло. Могло быть только одно объяснение. Пепел в этом сосуде был пеплом Мэрджори Парди!

Мир застыл на одно долгое ужасное мгновенье, а затем я совершенно обезумел!

Следующее, что я помню, была отчаянная борьба между мной и профессором. Несмотря на преклонный возраст, он все еще имел силу, почти равную моей, и, кроме того, у него было существенное преимущество полного самообладания.

Все ближе и ближе он склонял меня к стеклянному гробу. Еще несколько секунд, и пепел, оставшийся от меня, присоединится к праху любимой женщины. Но тут я споткнулся о табурет, и мои пальцы схватили сосуд с пеплом. Одним, последним, сверхчеловеческим усилием я высоко поднял его над головой и обрушил на череп моего противника! Его руки ослабли, и обмякшее тело бесчувственно повалилось на пол.

Повинуясь какому-то импульсу, я поднял безвольное тело профессора и осторожно, стараясь не уронить его на пол, опустил в смертельный ящик!

Еще секунда, и все было кончено. Профессор и жидкость – оба исчезли, а на их месте осталась маленькая горстка светлого мягкого пепла!

По мере того, как я разглядывал то, что сотворил, мое исступление прошло, и я оказался лицом к лицу с холодной беспощадной правдой, которая заключалась в том, что я убил коллегу. Неестественное спокойствие овладело мной. Я знал, что не имелось ни

единой, самой незначительной улики против меня, исключая тот факт, что я был последним, кто оставался наедине с профессором. Но не осталось ничего, кроме пепла!

Я надел шляпу и плащ, сказал дворецкому, что профессор просил не беспокоить его и что я ухожу, поскольку рабочий день закончен. Оказавшись на улице, все мое хладнокровие улетучилось. Мои нервы были напряжены до предела. Я не знал, где нахожусь – только бесцельно бродил туда-сюда до тех пор, пока совсем недавно не оказался рядом с твоим домом.

Прэг, я чувствовал, что должен поговорить с кем-нибудь; я должен облегчить бремя своего измученного сознания. Мне подумалось, что я могу довериться тебе, старый друг, поэтому мне следует поделиться с тобой этой историей. И вот я здесь – делай со мной, что хочешь. Жизнь более ничего не значит для меня – сейчас, когда Мэрджори... умерла.

Голос Брюса трагически дрогнул и оборвался, когда он произнес имя любимой женщины.

Я облокотился на стол и пытливо взглянул в глаза несчастного человека, который удрученно поник в большом кресле. Затем я встал, надел шляпу и плащ, подошел к Брюсу, обхватившему голову руками и молча всхлипывавшему.

– Брюс!

Малкольм Брюс открыл глаза.

– Брюс, послушай меня. Ты уверен, что Мэрджори мертва?

– Я уверен в том, что... – его глаза удивленно расширились, и он с внезапной быстротой выпрямился.

– Вот именно, – продолжил я. – Можешь ли ты поручиться, что пепел в сосуде остался именно от нее?

– Зачем... ведь я... я видел его, Прэг! К чему ты клонишь?

– Стало быть, ты не уверен. Ты видел лишь ее шляпу и плащ на стуле, и в том состоянии твоего рассудка поспешил с выводом о том, что «пепел, должно быть, связан с исчезновением девушки... а профессор, должно быть, ушел с ней...» и так далее. А теперь вспомни, говорил ли тебе что-либо Ван Аллистер?

– Я не помню, говорил ли он что-то. Говорю тебе, я был подобен берсерку – безумец!

– Тогда тебе следует пойти со мной. Если она не умерла, то должна находиться где-то в том доме, и если она там, мы отыщем ее!

На улице мы вызвали такси, и через несколько минут дворецкий впустил нас в дом Ван Аллистера. Брюс провел нас в лабораторию, воспользовавшись своим ключом. Дверь кабинета профессора была по-прежнему приоткрыта.

Мои глаза обшарили комнату в тщательнейшем поиске. Слева, рядом с окном, располагалась закрытая дверь. Я решительно пересек помещение и подергал ручку, но безуспешно.

– Что там находится?

– Всего лишь небольшая кладовая, где профессор хранил свою аппаратуру.

– Тем не менее, эту дверь надо открыть, – непреклонно ответил я. Отойдя на шаг или два, я нанес хорошо рассчитанный удар ногой по двери, потом еще и еще, и, наконец, сломал ее в районе замка.

Брюс, издав нечленораздельный возглас, подбежал к огромному сундуку из красного дерева. Выбрав один из висевших на связке ключей, он вставил его в замок и дрожащими руками откинул крышку.

– Она здесь, Прэг, скорее! Нужно вынести ее на свежий воздух!

Вместе мы перенесли почти не подающее признаков жизни тело девушки в лабораторию. Брюс поспешно приготовил специальное снадобье, которое вылил ей меж губ. После второй дозы ее глаза медленно открылись.

Ее растерянный взгляд скользил по комнате, наконец, остановившись на Брюсе, и тогда в глазах девушки внезапно вспыхнуло счастливое осознание. Позже, после первых неизбежных объятий и поцелуев, она рассказала нам свою историю:

– После того, как Малкольм ушел, профессор позвонил мне с просьбой зайти в его кабинет. Поскольку он часто поручал мне те или иные задания, я восприняла это, как должное, и, чтобы сэкономить время, захватила с собой шляпу и плащ. Он закрыл дверь маленькой комнаты и без предупреждения напал на меня сзади. Конечно, будучи сильнее, он победил и связал мне руки и ноги. Затыкать мне рот кляпом не было нужды, поскольку, как вы знаете, стены лаборатории абсолютно звуконепроницаемы.

Затем он притащил труп огромного пса-ньюфаундленда, который до того где-то прятал, прямо на моих глазах превратил его в пепел. Этот пепел он поместил в стеклянный сосуд, стоявший на табурете.

Потом он сходил в кладовую и из сундука, в котором вы нашли меня, вынул большой стеклянный ящик. Увидев его, я испытала кошмарное, паническое ощущение. Ван Аллистер почти полностью залил ящик своей ужасной жидкостью.

Затем он сказал мне, что осталась лишь одна вещь – выполнить эксперимент с человеческим существом! – при воспоминании об этом она вздрогнула. – Он долго распространялся насчет того, какой почетной привилегией для любого человека является возможность принести свою жизнь в жертву именно таким образом, в такой ситуации. Потом профессор спокойно сообщил мне, что выбрал тебя, Малкольм, в качестве субъекта для его эксперимента, а я должна сыграть роль свидетеля! Я потеряла сознание.

Профессор, вероятно, опасался прихода какого-нибудь постороннего, поскольку следующее, что я помню – пробуждение внутри сундука, где вы потом обнаружили меня. Там было так душно! Каждый вздох давался мне все тяжелее и тяжелее. Я думала о тебе, Малкольм – думала о чудесных, счастливых часах, которые мы провели вдвоем в последние несколько дней. Меня ужасала мысль о том, что я буду делать, когда ты

умрешь! Я даже молилась, чтобы он убил и меня тоже! В горле у меня пересохло – постепенно на мои глаза надвинулась чернота.

А затем я открыла их и обнаружила, что нахожусь здесь, с тобой, Малкольм! – тут ее голос понизился до хриплого тревожного шепота:

– А где... где профессор?

Брюс молча отвел ее в кабинет. Она содрогнулась, когда стеклянный гроб попался ей на глаза. По-прежнему сохраняя молчание, мой друг подошел прямо к ящику и, достав оттуда пригоршню мягкого белого пепла, медленно рассеял его между пальцев!

Перевод: Борис Лисицин

2004 год